

Санкт-Петербургский государственный университет

Якимов Владимир Александрович

Российское казачество в 1990-е гг.: основные дискурсы процесса возрождения

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02 «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Выпускная квалификационная работа

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Хрисанфов Валентин Иванович

Санкт-Петербург

2016

Содержание

Часть I. Аннотация.....	3
Часть II. Российское казачество в 1990-е гг.: основные дискурсы процесса возрождения..	4
Список используемых источников и литературы.....	15
Приложение.....	16

Часть I

Аннотация

С начала 1990-х гг. в России начался процесс возрождения казачества. Он характеризовался не только возникновением казачьих общественных организаций и объединений во многих регионах Российской Федерации, но и формированием различных взглядов казачества или, иначе говоря, дискурсов на вопросы связанные с видением ими процесса возрождения. Взгляды казачества характеризовались претензиями на особую роль в объединении патриотически ориентированных масс. При этом варианты политической самореализации казачества проявлялись на всём социально-политическом пространстве: от требования «вернуть» те формы взаимоотношений государства и казачьих войск, которые существовали до революционных событий начала XX в., до борьбы за признание его «отдельным народом» и требований применения реабилитационных правовых актов как к «репрессированному народу» и реституции утерянного в результате Гражданской войны имущества казачьих войск. Данная статья выделяет и анализирует основные взгляды казачества на процесс возрождения, которые были характерны 1990-х гг.

Ключевые слова: российское казачество, современное казачество, дискурсы возрождения, территориальное образование, казачий этнос, казачье сословие, социокультурная практика.

The process of resurrection of the Cossacks in the beginning of 1990s was a unique phenomenon. The characteristic features of this process were not only the appearance of the non-governmental organizations of the Cossacks, but it was also the formation of different views on this issue inside the Cossack environment. The views of the Cossacks were characterized by claims to a special role in uniting the patriotic masses. Under this option, the political self Cossacks manifested in the whole socio-political space: the requirement to "return" the forms of relations between the state and Cossack troops, which existed before the revolutionary events of the beginning of the XX century, to struggle for the recognition of its "separate nation" and the application of the requirements of rehabilitation. regulations as "repressed peoples" and restitution of lost as a result of the Civil war, the property of the Cossack troops. This article identifies and analyzes the main sights of the Cossacks in the process of revival that characterized the 1990s.

Keywords: Russian Cossacks, contemporary Cossacks, discourses revival, territorial unit, Cossack ethnicity, Cossack class, sociocultural practices.

Часть II

Российское казачество в 1990-е гг.: основные дискурсы процесса возрождения

В конце XX в. в стране началось возрождение казачества. Главной особенностью данного процесса стало то, что в его основе лежала не только «реанимация» социально-культурных и хозяйственно-управленческих традиций, но и формирование идейно-политических установок. Это привело к формированию пяти основных дискурсов возрождения: «идея казачьего административно-территориального образования»; «идея казачьего народа» или, говоря иначе, этноса; «духовно-нравственный аспект возрождения казачества»; «переоценка исторического прошлого казачества» и дискурс связанный с вопросами разработки и принятием «Закона о казачестве». Следует подчеркнуть, что если первые четыре дискурса вытекают один из другого, то последний стоит от них несколько отдельно. Дискурс «Закона о казачестве» возникает как следствие взаимодействия казачества с административными структурами Российской Федерации и желание казаков получить правовое оформление своей деятельности. Кроме того, проблема разработки и принятия «Закона о казачестве» не потеряла своей актуальности и по сей день, что говорит о сложности данной проблемы, для полного разбора и анализа которой необходима отдельная публикация. Основной же целью данной статьи является анализ первых четырёх упомянутых дискурсов, как взаимосвязанных между собой суждений, вызванных процессом возрождения казачества.

Для анализа данного вопроса в качестве источниковой базы использовались периодические издания, выпускаемые казачьими общественными организациями, которые выражали основные направления мыслей лидеров казачьего возрождения. Из них следует выделить журнал «Голос Казака», выпускаемый казачьей общественной организацией «Союз казаков Всевеликого Войска Донского», описывающий взгляды донского казачества на процесс возрождения. Также следует упомянуть газету и журнал, носящие одинаковое название «Станица». Данные периодические издания выпускались одной общественной организацией «Союз казачьих войск России». Газета и журнал выходили с января 1992 г., газета «Станица» рассматривала широкий круг проблем возрождения и формировала у своих читателей отношение к политическим процессам в стране; журнал «Станица» был посвящён историко-культурным вопросам казачества, рассматривая его различные исторические, культурные и духовные аспекты.

Из научной литературы, рассматривавший процесс возрождения казачества, необходимо упомянуть работу под названием «Этносоциальный адрес донцов: научно-полемиический дискурс» [1.], написанную А.П. Скориком и А.А. Озеровым. В ней авторы анализировали политические взгляды и связанные с ними противоречия, имевшие место внутри казачьего движения России.

Самыми важными чертами в жизни казачества всегда были военная служба, система самоуправления и особый тип экономики. В совокупности эти элементы составляли специфическую культуру, имевшую жизненное пространство – территорию, закреплённую за казачеством (Область Всевеликого войска Донского, Область Уральсого казачьего войска и т.д.). В период советской власти казаки оказались лишены своего административно-территориального образования. Отсюда возник первый дискурс процесса возрождения казачества, связанный с идеей «своей территории». Он приобрёл остроту, с одной стороны, из-за положений закона «О реабилитации репрессированных народов» (статьи 3 и 6), в которых репрессированным народам гарантировался восстановление их незаконно упраздненных административно-территориальных образований, с другой стороны, с понятием «коренной народ» и правом этого народа на контроль над ресурсами своей территории, к чему казачество также апеллировало [2, С. 5].

Несмотря на то, что почти нигде на юге России казаки не могли считаться, в полном смысле, единственными коренными жителями, отношение к земле, на которой они проживали, как к своей территории, утверждение своего приоритетного права на неё на основании архаичного закона первопоселенцев, четко прослеживается в трех наиболее крупных и старейших казачьих войсках – Донском, Терском и Кубанском [3, С. 99]. В качестве обоснования участники процесса возрождения использовали аргументы формально-правового характера (земля дарована была казакам царскими манифестами), основанные на праве первопоселенцев («наши отцы отстояли эту землю своею кровью»). Подобный образ мыслей в сочетании с «парадом суверенитетов» начала 1990-х гг. привел к очень опасным для единства страны тенденциям. В газете «Станица» упоминается, что в ноябре 1991 г. на Кубани в качестве полноправных субъектов РСФСР были провозглашены, – Армавирская Казачья Республика и Верхне-Кубанская Казачья Республика. Создание этих «государственных» образований поддержал II Большой Круг Союза Казаков, прошедший 7-10 ноября 1991 г. в Ставрополе. Также 20 ноября 1991 г. на созванном «Союзом казачества Юга России» в Новочеркасске Большом Казачьем Круге Юга России было провозглашено объединение нескольких провозглашенных казачьих

республик (Донской, Армавирской, Терской, Верхне-Кубанской, объединившей две республики – Зелечукско-Урупскую Казачью Советскую Социалистическую Республику и Баталпашинскую Казачью Республику) в Союз Казачьих Республик Юга России (СКЮР) со столицей в Новочеркасске и со статусом союзной республики в предполагавшемся новом союзном государстве [4, С. 4]. Также в ряде казачьих регионов оживились идеи о создании «независимой и самостийной Казакии» – объединённого государства казаков [5, С. 162]. В 1994 г. в газете «Невские казачьи ведомости» было напечатано политическое заявление «Совета атаманов Юга России», в котором они требовали возврата отнятой земли и национального достояния [6, С. 1]. Однако данные тенденции не нашли реальной поддержки у большинства населения Дона и Кубани, так как данную точку зрения разделяли не все казачьи организации, хотя идеи казачьего административно-территориального образования бытовали достаточно долго. Из идеи заложенной в данном дискурсе возникла новая, не менее острая идея, которая, также как и первая, достаточно серьёзно разделила казаков.

С началом процесса возрождения неоднократно поднимался вопрос об определении казачества как отдельного народа. Причём речь шла о народности, иначе говоря, этносе – устойчивой межпоколенной группе людей, объединённой длительным совместным проживанием на определённой территории, общими языком, культурой, жизненным укладом, самосознанием и самоназванием. Данное положение чаще всего аргументируется ссылками на историко-культурные традиции, на особое состояние казачества в дореволюционной России, известную политическую автономию и иными суждениями, которые, по мнению некоторых представителей казачества, доказывают этническое своеобразие казаков (главным образом казаков Дона) в дореволюционный период. Следует отметить, что от взгляда на данную проблему, в немалой степени, зависит и правовая обоснованность мер, осуществляемых ныне для возрождения казачества и взаимодействие казаков. Это было продемонстрировано в начале 1990-х гг., с изданием Указа Президента Российской Федерации № 632 «О мерах по реализации закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества», в котором казаки определяются как «культурно-этническая общность», что вызвало протест достаточно большой части казачества, которая настаивала на определении конкретного – этнического статуса казаков [1, С. 137].

В одной из статей журнала «Голос казака» приводится интервью с В.Н. Королёвым [7, С. 8] – историком из Ростовского Государственного Университета, который достаточно подробно обосновал точку зрения казачества на данный вопрос. Королёв говорит о том,

что, юридически, казаки безусловно считались сословием, поскольку и в царских, и в советских узаконениях казаки обозначались именно в качестве сословия. Однако он тут же ставит вопрос: являлись ли казаки сословием на самом деле, с позиции повседневной жизни, с точки зрения науки? И здесь Королёв считает, что казаки не подходят под определение сословия. Обосновывает он это тем, что под сословием, как правило, понимают или социальную группу, с закреплёнными в обычае или законе и передаваемыми по наследству правами и обязанностями, или общественную группу, объединяющую людей, имеющих одинаковое юридическое положение в государстве. Королёв обращает внимание на классический пример трёх сословий во Франции XV-XVIII вв., – духовенство, дворянство и так называемое «третье сословие». Сравнивая их с казачеством, он выводит такие особенности последнего, которые были нехарактерными для классических сословий.

Первая заключается в том, что, в отличие от сословий, казаки обладали своей собственной территорией, имевшей соответствующие границы с самоуправлением атаманов, Войсковым кругом – народным собранием, Войсковой канцелярией – в качестве правительства, со своим бюджетом, местными командами, полицией и т.д.

Вторая – если казаки были сословием, то, как объяснить тот факт, что они сами делились на сословия? В качестве примера Королёв замечает, что в первой половине XIX в. большинство казаков были земледельцами, но существовал и «верхний класс» – донское казачье дворянство, которое также входило в состав российского дворянского сословия. Также можно зафиксировать и казачье торговое сословие, и казачье духовенство. Следует упомянуть и о казачьей интеллигенции («прослойке») – учителях, врачах, инженерах, юристах и т.д. В итоге, Королёв констатирует, что казачество само состоит из сословий.

Третья – члены одного сословия должны занимать одинаковое юридическое положение в государстве. Королёв сравнивает положение двух казаков одной станицы – Василия Васильевича Петрова и Василия Васильевича Орлова-Денисова. «Первый – рядовой казак, труженик-земледелец, на собственной частной земле. Он неграмотен, или едва грамотен. Второй – герой Отечественной войны 1812 г. генерал, граф-адъютант его величества, генерал от кавалерии. У него тысячи десятин земли и сотни крепостных крестьян. Это два казака Пятиизбянской станицы. Королёв ставит логичный вопрос, могут ли представители одного сословия находиться в столь разном социальном статусе?» [7, С. 8]. Из вышеперечисленного Королёв делает вывод, что эти два казака – явно принадлежат

к представителям разных сословий одной этнической общности, следовательно, вышеперечисленные атрибуты характерны для этноса, а не для сословия.

Четвёртая черта заключается в том, что сословия, как правило, формировались внутри, а не вне государства, на что В.Н. Королёв справедливо обращает внимание. Он отмечает, что «казачество возникло вне Российского государства, в результате свободного «творчества» народных масс, как мощная и «изначально антифеодальная» сила, поэтому затруднительно говорить, что уже тогда казаки были сословием в государстве, в которое фактически не входили. В этом же контексте следует упомянуть и донские посольства, направлявшиеся в Москву и другие столицы» [7, С. 8]. После вхождения в состав Российского государства казаков долгое время рассматривали как военно-служилый народ, а определение его как сословия – это, по выражению В.Н. Королёва «творчество петербургских верхов» уже XIX в., которое он объясняет желанием царского правительства наиболее удобно включить казачество в стройную единообразную имперскую структуру. Это позволило правительству рассматривать казачество в качестве сословия, зависимого от монарха, получающего из его рук, его манифестами и рескриптами, привилегии, а потому обязанное служить самодержавию. Однако далее В.Н. Королёв делает достаточно спорное утверждение о том, что самобытность казаков, медленно, но неуклонно подавлялась. «Одна за другой отбирались казачьи вольности, и чем меньше их оставалось, тем больше они преподносились как сословные привилегии» [7, С. 8].

Подводя итог своим размышлениям, В.Н. Королёв высказывает мнение, что процесс возрождения казачества должен идти по пути, на котором следует возрождать не сословие, а народ с его уникальным демократическим самоуправлением, порядком, дисциплинированностью, духовным единством, со своеобразным хозяйством и замечательной культурой.

Несмотря на веские доводы, которые предлагает В.Н. Королёв, в его позиции есть два существенных недостатка. Первый – слишком обобщённый взгляд на казачество, как на некое монолитное общество, обладающее единой культурой и структурным устройством. Однако формирование в степных зонах общности людей, получивших позднее названия казаки, являлось сложным процессом, который и сегодня недостаточно изучен. Предшественниками казаков, как правило, называют бродников, чёрных клобуков и торков – степное население донских и волжских степей до монгольского нашествия. В русских летописях они начинают упоминаться с XVI в. В период XV-XVI вв., казаки

прочны заняли одно из главных мест в истории России, однако, вместе с этим, можно выделить три больших группы казаков: вольные казаки – уходившие далеко в степь и занимавшиеся промыслами на Дону и Волге, служилые казаки, нанимавшиеся на службу государством (среди них один из исследователей казачьего этногенеза А.В. Сопов выделяет рязанских, московских, мицких, арзамасских, смоленских и воронежских казаков [8, С. 75]) и воровские казаки, которые занимались грабежом купеческих караванов на торговых путях (в районе Самарской Луки на Волге). В XVII-XVIII вв. начинается процесс сближения вольного и служилого казачества, что выразилось в формировании новой общности людей, которая к началу XX в. оформилась в особое военное сословие. К сожалению В.Н. Королёв не берёт в расчёт данные исторические обстоятельства, вследствие чего его картина является слишком упрощённой. Таким образом, можно сделать вывод, что казаки, безусловно, обладают своими уникальными элементами культуры и социального устройства, свойственные только им. Однако, на наш взгляд, казачество является уникальным явлением, которое с течением времени, под влиянием различных внешних и внутренних факторов, претерпевало изменения и, в конечном счёте, пришло к такому положению, при котором обладает и некоторыми признаками этноса, и в тоже время, является социальным слоем общества. В данном вопросе уместнее будет сослаться на мнение такого исследователя современного казачества как Г.О. Мациевский, который считает, что процесс трансформации казачества в сословную структуру, имевший место в XIX в. привёл к торможению этнизации и сформировал уникальный феномен «социосубэтнической общности», соединившей как черты военно-сословной организации казачества, так и субэтнические его качества [9]. Следовательно, по нашему мнению, рассматривать казачество следует вне рамок исключительно этноса или сословия.

Завершая рассмотрение данного дискурса необходимо упомянуть, что помимо «Голоса казака», в газетах «Казачий путь», «Невские казачьи ведомости» и в журнале «Станица» также можно увидеть статьи подобного рода. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что, например, в более поздних выпусках (публикации второй половины 2000-х гг.) журнала «Станица» встречаются статьи с критикой данного направления мысли [10, С. 7].

Ещё одним дискурс возрождения казачества – это его духовно-нравственная ориентация. С самого начала возрождения казаки позиционировали себя как общество православных христиан, чтящих все религиозные догматы, предписанные церковью. Однако и здесь не обошлось без определённых противоречий. Если советское

правительство стояло на позициях атеизма и построения нового общества, свободного от религиозных стереотипов, то с крушением советской идеологии, казаки обратились к архаичным духовно-нравственным нормам. При оформлении общественной организации «Союз казачьих войск России», в её информационном органе (газета «Станица», выходила в Москве в период 1992-2007 гг.) среди основных целей провозглашалось «восстановление традиционной роли Русской Православной Церкви в жизни казачьих войск» [11, С. 2]. Однако наиболее полную картину даёт публикация Юрия Попова в журнале «Голос казака» [12, С. 6-7]. В ней Юрий Попов подчёркивает, что возрождение казачьего народа требует кризисная обстановка, сложившаяся в стране. Следует заметить, что в данной статье автор, безусловно, верно отметил основные государственные проблемы, характерные для Российской Федерации в начале 1990-х гг. Упомянуты нечистоплотные процессы передела бывшей государственной собственности, вследствие чего в стране возникла сложная экономическая ситуация. Совершенно справедливо замечена шаткость внутреннего политического положения из-за стремления ряда регионов страны либо к большей автономии, либо к выходу из состава Российской Федерации. В качестве инструмента борьбы с упомянутыми деструктивными явлениями Ю. Попов предлагает восстановление казачьих культуры, обычаев и традиций. Он пишет, что возрождение казачьей культуры необходимо начинать с замены чуждой идеологии, музыки, песен, танцев, литературы, фильмов, обычаев и правил поведения своими, традиционными, «для этого широко использовать самодеятельность, профессиональную сцену и все средства массовой информации, налаживание семейной жизни по старым казачьим традициям. Необходимо перестать ценить материальные блага выше духовных, с детства воспитывать казака-воина и казачку-подругу, жену, мать» [12, С. 7]. Автор подчёркивает, что необходимо «добиваться права вновь стать Резервной Армией страны – Войском Донским. Объединить Области Казачьих Войск в Казачью республику, а более мелкие казачьи образования – в автономные казачьи районы, связанные с Казачьей Республикой. Царствуйте в граде Москва, а мы казаки – на тихом Дону. Это делается не только для жителей территорий исторического образования и проживания казачества, но и для всей России» [12, С. 7]. Главная мысль автора заключается в том, что, в первую очередь, следует восстановить казачество как высоконравственную часть населения, придав ей, на первое время, статус Казачьей Национальной Гвардии со своим арсеналом и боевой техникой.

На наш взгляд, Ю. Попов представляет наиболее ангажированные и радикальные взгляды в вопросе возрождения казачества. Ни один из упомянутых им пунктов не мог

быть осуществлён без ущемления интересов какой-либо другой части общества. Для того чтобы добиться их воплощения, требовалось бы сделать казачество достаточно изолированной социальной общностью наподобие старообрядцев. Предлагаемый Поповым проект «Казачьей Республики» - это, скорее, отражение сложившейся в начале 1990-х гг. идеи об организации новых национальных республик на территории РФ (например проект республики поволжских немцев). Под влияние подобных идей подпало и казачество, которое являлось и является частью социального общества Российской Федерации, и так же как и все остальные граждане, были подвержены тем общественным процессам и порождаемым ими идеям, которые имели место в тот период. Такого рода радикальные взгляды, хоть и не получили распространения, являлись характерным явлением того времени и, так или иначе, появлялись в публикациях казачьих периодических изданий. Однако следует заметить, что существовали и более умеренные взгляды, которые ограничивались призывами к восстановлению культурной самобытности казачества, реализовывавшейся в воспитании казачьего духа и патриотизма. В этой части казаки имели и имеют достаточно ощутимые успехи благодаря разработке и осуществлению культурных программ, в части выступления различных казачьих фольклорных ансамблей, и образовательных программ, в части организации казачьих кадетских корпусов [13. С. 5].

Однако в изучении культуры и истории казачества родился и четвёртый дискурс возрождения казачества – это оценка казаками истории Гражданской и Великой Отечественной войн, исторической роли казачества в этих войнах, а также некоторых связанных с ними исторических личностей.

События начала XX в. привели к разделению граждан некогда одной страны на два непримиримых лагеря сторонников и противников новой власти. Столкновения между ними имели своё продолжение и в Великую Отечественную войну. После распада СССР вновь возникшее деление общества на «белых» и «красных» явилось наследием предыдущего исторического периода. На этой проблеме не раз заостряли внимание многие периодические издания, выпускаемые казачьими организациями. В контексте данного дискурса следует подчеркнуть, что в современной научной историографии Великой Отечественной войны существует множество гипотез о причинах подобного разделения. В противовес мнению отечественных историков, характеризующих коллаборационистов в составе вермахта как предателей и военных преступников, эмигрантами выведена альтернативная точка зрения. Она объясняет коллаборационизм и разделение граждан СССР (в том числе и казачества) тем, что для множества людей эта

война явилась продолжением Гражданской. То есть, многие люди воспринимали её как некий «второй шанс» исправить предыдущие ошибки, и, наконец, «освободить» Россию из-под «ига большевизма». К сожалению, подобный взгляд на историю Великой Отечественной войны был распространён в первой половине 1990-х гг. Яркими примерами здесь служат работа Н.Д. Толстой под названием «Жертвы Ялты» книга В.Г. Науменко «Великое предательство». Различие в исторической оценке Гражданской и Великой Отечественной войн привело к идеологическому размежеванию казачества. Это различие резко проявилось уже на I Учредительном Съезде Союза казаков России. Достаточно сказать, что такие известные деятели «возрождения» как атаманы Союза казаков России (СКР) А. Г. Мартынов и В.В. Наумов являлись членами КПСС. К тому же I Учредительный Съезд Союза казаков России готовили сотрудники ЦК И. Болдырев (бывший первый секретарь одного из райкомов КПСС в Москве) и А. Сазонов (сотрудник аппарата ЦК, а позднее администрации Первого Президента СССР М.С. Горбачёва). Данное обстоятельство привело к расколу по идеологическому принципу на данном съезде. Позднее противниками так называем «партийцев» была организована общественная организация Союз казачьих войск России, чьи члены приняли активное участие в защите Белого Дома во время августовского путча 1991 г. когда лидеры будущей общественной организации «Союз казачьих войск России» создали так называемый «походный штаб», к которому также присоединились казаки Дона, Кубани и Сибири [14, С. 2]. По свидетельству хорунжего общественной организации «Союз казачьих войск России» (СКВР) помимо членов московского землячества, в Москву также прибыли казаки с Дона и Кубани [4, С. 4]. Позднее они несли охрану главного входа в здание парламента. 20 августа начальнику штаба СКВР лично министром обороны РСФСР Константином Ивановичём Кобцом был вручён Приказ № 3, согласно которому казачество признаётся реальной боевой единицей Российского госкомитета по обороне [4, С. 4], что говорит о значимости вклада казачества в дело защиты Белого Дома и о том авторитете, которое оно приобрело после данных событий. Однако здесь следует отметить, что, например, другая общественная организация – «Союз казаков России» (СКР), под эгидой которого проходил I Учредительный круг в июне 1990 г., во время августовского путча как раз занял выжидательную позицию, никакими действиями не демонстрируя своего отношения ни к защитникам Белого Дома, ни к ГКЧП, что свидетельствует о растерянности его лидеров. Также осложняли ситуацию и многочисленные публикации, которые высказывали довольно спорные мнения относительно Гражданской войны и действий казаков-коллаборационистов в Великую Отечественную войну. Начиная с 1995 г. в упоминавшейся ранее газете «Станица»

появилась рубрика под названием «Казачья Голгофа» в рамках которой публиковались различные воспоминания бывших членов казачьих формирований немецкой армии и материалы из иммигрантских периодических изданий. Также следует выделить публикацию в журнале «Станица» (данный журнал так же как и одноимённая газета был учреждён Союзом казачьих войск России и издаётся в Москве с января 1992 г.), посвященную Сергею Георгиевичу Лазо, который, по официальной версии, был сожжён японцами в топке паровоза. Однако автор публикации, С. Корнилов, пишет, что Лазо, по сведениям некоего итальянского капитана Клемпаско (сотрудник «Джапан Хроникал»), 5 апреля 1920 г. был взят в плен японцами, 9-го числа увезён в сторону местечка под названием Гнилой угол, а позже расстрелян на Эгершельде [15, С. 33]. При этом автор не даёт никаких ссылок на какие-либо достоверные документы. Также следует снова упомянуть журнал «Голос казака». Его публикации характеризовали генерала П.Н. Краснова как патриота, до конца своей жизни боровшегося с большевизмом. Однако сознательно или нет, их автор не упоминает, что, начиная с 1936 г., Краснов активно сотрудничал с Рейхом. В Берлине он вошёл в стан так называемых «самостийников», которые выдвинули гипотезу о происхождении казаков от германцев-готов, живших в Северном Причерноморье еще в III веке. Краснов также стал главным консультантом немецкого правительства по казачьим вопросам [16, С. 23]. Но данные факты не упоминаются в данной публикации, ровно как и то, что 31 марта 1944 г. в Берлине был организован прообраз временного казачьего правительства за границей (Главное управление казачьих войск) во главе с П.Н. Красновым, которое тесно сотрудничало с Казачьим управлением Дона, Кубани и Терека [16, С. 23] и давала рекомендации командованию вермахта, на каком участке фронта лучше использовать то или иное казачье подразделение.

Идейно-политические установки процесса возрождения включали в себя государственность, корпоративизм, традиционализм, патриархальность, религиозность, патриотизм и по содержанию представляли собой национально-консервативный патриотизм. Их особенности выражались в неоконсервативных взглядах и, одновременно, поддержке существующей власти и проводимого ею политического курса. На практике они проявлялись в возрождении казачьих традиций, военно-патриотическом воспитании молодежи, культурно-просветительной работе, политической деятельности и развивались достаточно интенсивно. Но, несмотря на заявленные позиции и ожидания, возрождающееся казачество не стало оплотом «русского выживания». Затянулся процесс организационного сплочения казаков, утверждения своей ниши в обществе и регионах.

Конечно, это было связано с общей политической ситуацией начала 1990-х гг., но этот фактор не может служить оправданием снижению активности казачества снизу – от рядовых членов казачьих обществ. На наш взгляд, вызвано это было слишком утопическими системами взглядов на место казачества в России, выдвигавшимися некоторыми лидерами казачьих движений. С течением времени, некоторые из рассмотренных дискурсов (например, идея о казачьих административно-территориальных образованиях) сошли на нет, другие (этнокультурное возрождение казачества) приобрели менее радикальный характер. Однако отношение к истории казачества (в части Гражданской и Великой Отечественной войн) остаётся прежним, что заметно сказывается на отношении к казачеству в современном российском обществе.

Список используемых источников и литературы

1. Скорик А.П., Озеров А.А. Этносоциальный адрес донцов: научно-полемиический дискурс. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2005. 232 с.
2. [Б.а.] [Б.н.] // Голос казака. 1993. № 1. Ростов-на-Дону. С. 5.
3. Рвачёва О.В. Казачество в современном социокультурном пространстве юга России: проблемы возрождения и взаимодействия с другими народами. // Известия ВолгГТУ. 2014. № 13 (140). С. 98-101.
4. Кокунько Г. Нужны ли казаки России // Станица. 1992. №1. январь. С. 4.
5. Ерохин И.Ю. Казачество и современное государство. // Современные научные исследования и инновации. 2014. №3 (35). С. 161-165.
6. [Б.а.] Неотделимы от России. // Невские казачьи ведомости. 1994. № 2-3. С. 1.
7. [Б.а.] Интервью с историком В.Н. Королёвым, доцентом Ростовского университета // Голос казака. 1993. № 1. С. 7-8.
8. Сопов А.В. Некоторые выводы относительно истории казачества // История социальной работы. Учёные записки. 2009. № 10. С. 71-76.
9. Мациевский О.Г. Основные этапы политической истории российского казачества в XX веке // Современные исследования социальных проблем. № 3. 2011. С. 5. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-politicheskoy-istorii-rossiyskogo-kazachestva-v-hh-veke> Дата обращения: 1.05.2015.
10. [Б.а.] Когда не хватает аргументов. // Станица. 2008. №1 (50). С. 7.
11. [Б.а.] Обращение к казакам России // Станица. 1992. январь. №1. С. 2.
12. Попов Юрий. Казачий дух – не грим актёрский // Голос казака. 1993. №1. С. 6-7.
13. [Б.а.] Казачий телетайп. // Невские казачьи ведомости. 1994. № 1. С. 5.
14. Серб А. Возрождение казачества и политика // Станица. 1992. №1. январь. 1992. С. 2.
15. Корнилов С. Тайны «красного Дон-Кихота» // Станица. 2008. №1 (50). С. 33.
16. Журавлёв В.И. Военный коллаборационизм на юге России. // Вестник РУДН, серия История России. 2009. № 4. С. 20-34.

ISSN 2070-9773

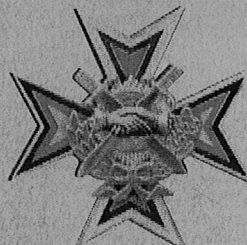
КЛИО

№ 3(111)

март 2016

KLIO

Журнал для ученых «Клио» 01 декабря 2015 г.
включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography
of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ),
реализующей проект Министерства образования и науки РФ
«Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных
российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Ежемесячный журнал для ученых

**Печатный орган
Международной академии исторических и
социальных наук**

№ 3(111)

март

**ООО «ПОЛТОРАК»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

2016

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

- Интервью **Гогун А.С.** (Берлин, Германия) с профессором **Берндом Грайнером** (Берлин, Германия).
Изучение истории Холодной войны в Германии 9
- Интервью **Щуки Р.И.** (Санкт-Петербург) с профессором **Михаэлем Хартманом** (Берлин, Германия).
Элита в Германии и иммигранты 15

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Ипполитов Г.М.** (Самара), **Полтораки С.Н.** (Санкт-Петербург). Историография Гражданской войны
в России в первые послевоенные годы (1922–1932 гг.) 21
- Филиппов А.В.** (Санкт-Петербург). Немеркнущая классика в историографии японской истории.
Взгляд из XXI в. на труды отечественных и англоязычных изданий 38

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Щерба А.Н.** (Санкт-Петербург), **Яковенко В.И.** (Темрюк). Киммерийцы и скифы:
проблемы исторической преемственности 49

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Валеров В.А., Валеров А.В.** (Санкт-Петербург). Особенности эволюции
государственного строя Новгорода Великого XIII–XV вв.
(по материалам немецких актов и источников) 57
- Тот Ю.В.** (Санкт-Петербург). Отечественные литераторы на службе в центральном
аппарате Министерства внутренних дел в середине XIX в. 70
- Спицина Е.В.** (Санкт-Петербург). «Идеологическая» война в Женеве
в конце 1870-х–начале 1880-х гг.: «Черный передел» против М.П. Драгоманова 79
- Гессен В.Ю.** (Санкт-Петербург). Разгром и изъятие имущества иностранных
представительств в Петрограде (1918–1923) 86
- Якимов В.А.** (Санкт-Петербург). Российское казачество в 1990-е гг.:
основные дискурсы процесса возрождения 99

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

- Холод А.С.** (Санкт-Петербург). Функционирование уездных общественных библиотек
Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. на примере Новоладожской библиотеки
имени А.С. Пушкина 106
- Измозик В.С.** (Санкт-Петербург). Переписка российских эмигрантов в Китае
с жителями Ленинграда в середине 1920-х гг. 111
- Антошкин А.В.** (Стерлитамак). Торговля и снабжение в деятельности потребительской
кооперации Башкирии в условиях перехода к форсированной индустриализации 116
- Ажигулова А.И.** (Оренбург). Эпидемические заболевания в Оренбургской деревне,
повлиявшие на демографическое положение населения в 1930-е гг. 124

УДК 94(470)

VLADIMIR ALEXANDROVICH YAKIMOV

Postgraduate student,
Department of the Regional History Studies,
Institute of History,
Saint Petersburg State University.
199034, Russian Federation, Saint Petersburg, Univesitetskaya nab., 7-9.
E-mail: VladimirYakimov1985@yandex.ru

Russian Cossacks in the 1990s: basic discourses of the revival process

The article considers the process of revival of the Cossacks in the beginning of 1990s which was a unique phenomenon. The characteristic features of this process were not only the appearing of the non-governmental organizations of the Cossacks, but also the formation of different views on revival process inside the Cossack environment. The author shows that Cossacks views were characterized by claims to a special role in the uniting process of the patriotic masses. Options of political Cossacks self-realization revealed in the whole socio-political space: the requirement to «return» the forms of relations between the state and Cossack troops, which existed before the revolutionary events in the beginning of the XX century, transformed into struggle for the treating as a «separate nation» and requirements of applying the rehabilitation regulations both towards «repressed people» and restitution of Cossack troops' property which was lost during the Civil war. This article identifies and analyzes the main opinions of the Cossacks about the revival process that were characterized in 1990s.

Keywords: Russian Cossacks, contemporary Cossacks, discourses of revival, territorial unit, Cossack ethnicity, Cossack class, socio-cultural practices.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯКИМОВ

Аспирант,
Кафедра исторического регионоведения,
Институт истории,
Санкт-Петербургский Государственный Университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7-9.
Тел.: 8 (931) 300-94-64, e-mail: VladimirYakimov1985@yandex.ru

С начала 1990-х гг. в России начался процесс возрождения казачества. Он характеризовался не только возникновением казачьих общественных организаций и объединений во многих регионах Российской Федерации, но и формированием различных взглядов казачества или, иначе говоря, дискурсов на вопросы, связанные с видением ими процесса возрождения. Взгляды казачества характеризовались претензиями на особую роль в объединении патриотически ориентированных масс. При этом варианты политической самореализации казачества проявлялись на всём социально-политическом пространстве: от требования «вернуть» те формы взаимоотношений государства и казачьих войск, которые существовали до революционных событий начала XX в., до борьбы за признание его «отдельным народом» и требований применения реабилитационных правовых актов как к «репрессированному народу» и реституции утраченного в результате Гражданской войны имущества казачьих войск. Данная статья выделяет и анализирует основные взгляды казачества на процесс возрождения, которые были характерны в 1990-х гг.

Ключевые слова: российское казачество, современное казачество, дискурсы возрождения, территориальное образование, казачий этнос, казачье сословие, социокультурная практика.

Российское казачество в 1990-е гг.: основные дискурсы процесса возрождения

В конце XX в. в стране началось возрождение казачества. Главной особенностью данного процесса стало то, что в его основе лежала не только «реанимация» социально-культурных и хозяйственно-управленческих традиций, но и формирование идейно-политических установок. Это привело к формированию пяти основных дискурсов

возрождения: «идея казачьего административно-территориального образования»; «идея казачьего народа» или, говоря иначе, этноса; «духовно-нравственный аспект возрождения казачества»; «переоценка исторического прошлого казачества» и дискурс, связанный с вопросами разработки и принятием «Закона о казачестве». Следует подчеркнуть,